

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

Э. В. Будаев, А. П. Чудинов

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ

Выступая в Колумбийском университете 26 сентября 2003 г., Президент России В. В. Путин призвал «упразднить советологию», поскольку «СССР уже нет, а советология до сих пор существует». Далее президент пояснил, что имеет в виду такую науку, которая была чрезмерно политизирована и служила «инструментом, чтобы нанести друг другу как можно больше ударов, уколов и всяческого вреда»¹. Несмотря на то, что рассматриваемое высказывание В. В. Путина воспринимается как шутливое, целесообразно еще раз обратиться к истории советологии, ее основным разделам и этапам развития.

Термин *советология* получил широкое распространение в зарубежной историографии в середине XX в. для обозначения научного направления, посвященного изучению политики, экономики, культуры, науки и иных сторон жизни Советского Союза. Оксфордский словарь отмечает его первое употребление 3 января 1958 г. в лондонском еженедельнике «Observer». В академических кругах термин поначалу был воспринят достаточно осторожно. На рубеже 1950–1960-х гг., как писал Д. Армстронг, «основатели американского изучения СССР все еще отвергали определение “советология”, отдавая предпочтение более банальному “изучению российского реги-

---

БУДАЕВ Эдуард Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

ЧУДИНОВ Анатолий Прокопьевич — доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

© Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2007

она»». А. Улам отмечал в середине 1960-х гг., что ««советология» — ужасное слово, но как можно его не использовать?». К такой позиции был близок и С. Коэн, для которого «советология — неэлегантное, но полезное слово». М. Малиа описывал советологию как «академическую дисциплину, известную сначала под скромным определением “изучение региона”, а затем под более амбициозным и научно звучащим понятием “советология”»².

По мере накопления исследований и дифференциации научных интересов появились политическая советология, экономическая советология, социологическая советология и иные ее виды. Несмотря на позднее «терминологическое оформление» этих исследований под наименованием «советология», точкой отсчета для этого направления стало возникновение на политической карте мира Советской России и СССР, потому что первые советологические исследования появляются одновременно с возникновением Советского государства.

В комплексе советологических направлений важное место занимает лингвистическая советология, предметом исследования которой служат языковая политика в СССР, особенности советского тоталитарного дискурса, функционирование, взаимодействие и эволюция языков народов Советского Союза. Вполне закономерно, что основное внимание советологи уделяли русскому языку как языку «межнационального общения», который никогда не признавался государственным, но реально был таковым все годы существования советской власти.

Представляется возможным говорить о четырех этапах существования лингвистической советологии. Первый — этап становления — относится к периоду с 1920-х гг. до конца Второй мировой войны. Особенности этого периода связаны с тем, что практически одновременно создавались и политическая лингвистика, и политическая советология, а левые идеи были весьма популярны в Северной Америке, Западной Европе и других регионах.

Следующий этап приходится на период «холодной войны», когда идеологическое противостояние было максимально обостренным и многим казалось, что близится начало третьей мировой войны.

Третий этап совпадает со временем «разрядки» в отношениях между Советским Союзом и США, между странами Варшавского договора и НАТО. Угроза прямого военного столкновения миновала, но сохранялась острая идеологическая борьба, которая сопровождалась боевыми действиями во Вьетнаме, в Афганистане и иных странах.

Четвертый этап относится к периоду перестройки и демонтажа советской системы, когда политические разногласия обострились уже внутри советской страны, а зарубежные консультанты все чаще начали выступать как эксперты по вопросам строительства новой политической системы в России.

В Советском Союзе долгие годы считалось, что вся советология основана на клевете на социалистическое государство, а советологи — малогра-

мотные лжецы, клеветники и агенты вражеской разведки, изначально ненавидящие все русское и советское. Разумеется, среди советологов было немало людей, ослепленных ненавистью или сознательно зарабатывающих себе на жизнь заказными разоблачениями и страшилками. Вместе с тем среди советологов были и талантливые ученые, которые стремились к объективности и смогли зафиксировать то, что оставалось скрытым для политически ангажированных авторов по обе стороны границы. Именно такие исследователи и заслуживают подлинной благодарности потомков. Следует, однако, подчеркнуть, что при обращении к публикациям западных специалистов практически всегда можно «вычислить» политическую ангажированность авторов, которая нередко проявляется в непосредственных обвинениях, негативных оценках и использовании всего арсенала манипулятивных приемов. Вместе с тем всегда были специалисты, которые изучали советскую политическую коммуникацию с помощью объективных научных методов, используемых в современных гуманитарных науках.

Рассмотрим основные этапы становления и развития лингвистической советологии в Северной Америке и Западной Европе.

Становление лингвистической советологии. К числу основоположников лингвистической советологии и политической коммуникативистики в целом справедливо относят Уолтера Липпманна (1889–1974), который в годы Первой мировой войны писал пропагандистские листовки для армии союзников во Франции, а затем занялся изучением проблемы эффективности политической агитации и пропаганды. Многие его идеи уже давно воспринимаются как аксиомы и прописные истины, соответствующие исследования стали своего рода базой для формирования понятийно-терминологического аппарата политической лингвистики. Например, в современной науке активно используется предложенное У. Липпманном понятие *процесса определения повестки дня* (*agenda-setting process*), т. е. высветивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Таким образом, ученый разграничил такие явления, как реальная актуальность той или иной проблемы и ее «значимость» в восприятии общества, а также охарактеризовал определение повестки дня как важный прием манипулирования политическим сознанием.

У. Липпманн разработал эффективную методику применения контент-анализа как инструмента для исследования общественных представлений о политической картине мира. В частности, еще в 1920 г. У. Липпманн совместно с Ч. Мерцем опубликовали исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции в России. Анализ показал, что среднему американцу невозможно было составить сколько-нибудь объективного мнения о происходящих событиях ввиду антибольшевистской предвзятости публикуемых текстов³.

Теоретические выводы У. Липпманн совмещал с практической полити-

ческой деятельностью и оказывал влияние на принятие решений на самом высоком уровне. Так, будучи советником президента В. Вильсона, исследователь участвовал в составлении знаменитых «14 тезисов», в корне изменивших внешнеполитический курс США.

Важную роль в становлении политической лингвистики сыграл Пол Лазарсфельд (1901–1976), активно занимавшийся изучением пропаганды в Колумбийском университете. В 1937 г. он руководил исследовательским проектом по изучению воздействия радиовещания на американскую аудиторию. Впоследствии этот проект вылился в создание «Бюро прикладных социальных исследований» — исследовательского института, который занимался вопросами политической и массовой коммуникации. Вместе со своим коллегой Р. Мертоном П. Лазарсфельд разработал метод опроса фокус-группы, который применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к различным политическим проблемам, среди которых важное место занимало отношение к тоталитарным идеологиям и соответствующим режимам.

Среди ведущих американских советологов называют также профессора Гарольда Лассвелла (1902–1978), которому принадлежит заслуга значительного развития методики контент-анализа и ее эффективного применения к изучению языка политики. С помощью контент-анализа Г. Лассвеллу удалось продемонстрировать связь между стилем политического языка и политическим режимом, в котором этот язык используется. По мнению исследователя, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии. Использование этой методики позволило сделать вывод о том, что политический язык советской элиты на протяжении 1920–1940-х гг. все дальше и дальше уходил от демократических традиций.

Среди первых европейских исследований советского политического языка выделяются изданные в Париже публикации А. Мазона (1920)⁴ и Э. Мендра (1925), в которых отмечаются активизация аббревиации, экспансия варваризмов и жаргонизмов, а также переименования городов, новые личные имена. Изучению сложносокращенных слов, столь характерных для советского политического языка, посвящено также исследование шведского специалиста Астрид Бэкунд (1940).

Сопоставляя публикации исследователей из Европы и Америки, можно заметить, что европейские специалисты обращаются преимущественно к вопросам изменений в системе языка, обусловленным революцией и новым

политическим режимом, тогда как американские исследователи предпочитают рассматривать методы и приемы использования языка как средства воздействия, к прагматике речевой деятельности в политической коммуникации.

Лингвистическая советология в период «холодной войны». После Второй мировой войны отношения Советского Союза со странами Западной Европы и США резко изменились. На смену военному союзу объединенных наций пришли «холодная война», «железный занавес», «равновесие страха» и «охота на ведьм». В 1949 г. была опубликована коллективная монография «Язык власти: Исследования по квантитативной семантике»⁵, значительная часть которой была посвящена политической коммуникации в Советском Союзе. Г. Лассвелл, Н. Лейтес, С. Якобсон и другие исследователи на основе анализа коммуникативной практики коммунистов и иного подобного речевого материала выявляли различные взаимозависимости между семантикой языковых единиц, их частотностью и политическими процессами. Так, в совместном исследовании Сержа Якобсона и Гарольда Лассвелла «Первомайские призывы в Советской России (1918–1943)» было выделено 11 категорий ключевых символов (обозначение «своих» и «чужих», использование национальной и интернациональной символики, обращение к внутренней и внешней политике и др.), а затем проведено исследование их частотности на различных этапах развития СССР. Авторы показывают, что такое исследование позволяет лучше понять динамические процессы в господствующей идеологии и нюансы советской политики.

По мере того как военное сотрудничество между СССР и странами Запада переросло в «холодную войну», зарубежные исследователи стали обращать самое пристальное внимание на внутри- и внешнеполитические средства советской пропаганды. В это время появляется одна из первых крупных работ по советской политической коммуникации — книга Алекса Инкелеса «Public Opinion in Soviet Russia: A Study in Mass Persuasion» («Общественное мнение в Советской России: Исследование массового убеждения»)⁶. Помимо рассмотрения советской информационной политики она содержала анализ интервью с бывшими гражданами СССР. А. Инкелес пришел к выводу об «абсолютном» контроле СМИ советскими властями. Вместе с тем автор резюмировал, что «система советской коммуникации далека от того, чтобы обеспечивать тотальное убеждение населения, ее эффективность гораздо ниже того уровня, которого советские лидеры хотели бы достигнуть»⁷.

Среди публикаций, авторы которых максимально полно демонстрируют неприятие советской власти и всего, что с ней связано (в том числе и изменений в русском языке), особой непримиримостью выделяется книга Андрея и Татьяны Фесенко «Русский язык при советах»⁸. Один из основных факторов, формирующих советский дискурс, по мнению авторов, зак-

лючается в следующем: «Неприглядность советской жизни, расхождение многообещающей пропаганды и невеселой, подчас трагической действительности вызвали у властей необходимость в словесном одурманивании, правда, часто разоблачавшемся в народе. Самолюбование и самовосхваление являются ширмой, прикрывающей безотрадное существование советских республик, за которыми установились восторженные эпитеты: цветущая Украина, солнечная Грузия и т. п.»⁹ Рассматривая многочисленные случаи неудачного словоупотребления, авторы стремятся найти подлинную причину ошибок и делают следующий вывод: «Как бы это ни звучало парадоксально, но именно Революция создала в России исключительно благоприятную почву для засилья всякой канцелярщины, бюрократии и соответствующего им языка»¹⁰.

Вместе с тем в рассматриваемой книге можно обнаружить весьма интересный обзор публикаций (особенно созданных вне Советского Союза) и немало конкретных замечаний об экспансии заимствований, а также просторечных, жаргонных и диалектных слов, о неумеренном использовании сложносокращенных слов и необоснованном отказе от множества традиционных для русского языка лексических единиц. Обобщая свои наблюдения, авторы пишут: «Но все же основным процессом в советском языке, конечно, явилась не архаизация, а политизация его при широком применении сокращений. Если Ленин пытался определить новый общественный строй формулой:

советы + электрификация = коммунизм,

то говоря о состоянии русского языка в начальный период существования советской власти, можно для образности воспользоваться аналогичным построением:

политизация + аббревиация = советский язык»¹¹.

Далее сообщается, что «новые формы жизни, а с ними и соответствующая лексика были чужды народу, так как в значительной степени создавались не им самим, а где-то в правительственных кругах»¹².

Подобный характер (немало метких наблюдений, сопровождающихся чрезвычайно язвительными комментариями и решительными обвинениями) носят и публикации ряда других эмигрантов из Советского Союза.

Лингвистическая советология в период разрядки. Зарубежные специалисты тщательно исследовали преобразования в советском политическом дискурсе, начавшиеся в период «оттепели». Эти процессы детально рассмотрел Д. Холландер в книге «Soviet Political Indoctrination: Developments in Mass Media and Propaganda Since Stalin» («Советское политическое внушение: изменения в СМИ и пропаганде со времен Сталина»)¹³. Автор констатировал, что на смену сталинской системе тотального контроля над мас-

сами пришла более гибкая и свободная система управления общественным сознанием, которая характеризуется относительно благоприятными возможностями для диалога и выражения различных точек зрения, в том числе и в официальных СМИ. Вместе с тем исследователи отмечали, что даже в период «оттепели» советские СМИ во многом придерживались традиций пропаганды, сложившихся при Сталине¹⁴.

Широкую известность получили семантико-синтаксические исследования П. Серио, суммированные в монографии «Analyse du discours politique Soviétique» («Анализ советского политического дискурса»)¹⁵, своего рода итогом которой стала метафора «деревянный язык», который определялся как некая «пародия на научный дискурс». В нашей стране хорошо известна статья П. Серио «Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций»¹⁶, которая была написана и опубликована на французском языке еще в середине предыдущего десятилетия. Отталкиваясь от изучения, казалось бы, частного вопроса о функциях отглагольных существительных в докладах Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева на XXII и XXIII съездах КПСС, автор приходит к весьма серьезным выводам. По его мнению, причиной высокой частотности номинализаций является общая тенденция к обобщенности, неопределенности и переложению ответственности: «введенное номинализацией “внетекстовое” не проявляется на эксплицитном уровне, оно *не показано*, а лишь *указано*, использовано, *введено под именем* некоторого объекта реальности»¹⁷. Автор доказывает, что «советский политический дискурс характеризуется двумя противоположными тенденциями: декларируемыми гомогенностью, единством и монолитностью, с одной стороны, и лежащей в его основе неоднородностью — с другой»¹⁸. Показательно, что однородность, стандартность, следование установкам на единство постоянно подчеркивается; соответственно инновации подаются как следование заветам классиков марксизма и предшествующим политическим решениям.

Отдельное внимание исследователей было направлено на изучение прагматики советской политической коммуникации: эффективности советской политической пропаганды, лингвистических и концептуальных средств убеждения, используемых в советских СМИ¹⁹.

Политическая лингвистика часто оказывается значительно более инертной, чем живая политическая история. Уже М. С. Горбачев был избран лидером советских коммунистов, а многие советологи не могли отказаться от прежних подходов к исследованию советского политического языка. Их изыскания варьируются от изучения общественно-политической терминологии²⁰ и исследования коммунистических нарративов²¹ до детального анализа новостной политики в конкретных советских СМИ²² и структуры сигнификации в обращениях генеральных секретарей КПСС²³. Но новая политическая ситуация и нарастающий общественный интерес к происходящим

в Советском Союзе изменениям все настойчивее требовали принципиально новых подходов к изучению советской политической коммуникации.

Лингвистическая советология в период демонтажа социалистической системы (от перестройки к постсоветскому периоду). Отношения между Советским Союзом и западными странами резко изменились в середине 80-х гг. XX в., что в значительной степени обусловило наступление нового этапа в развитии как общей, так и лингвистической советологии. В новых условиях все чаще появляются исследования явлений, связанных с новыми политическими процессами. В этот период американские и западноевропейские специалисты по советской политической коммуникации все чаще выступают в зарубежных изданиях качестве экспертов по новым процессам в советской (и российской) политической коммуникации. Эти же специалисты нередко выступают в советских СМИ как своего рода консультанты по демократизации языка и общества в целом.

Наибольшее внимание в середине и конце 80-х гг. XX в. привлекает дискурс М. С. Горбачева и формирующийся дискурс перестройки²⁴. На фоне особого внимания к социально-политическим процессам, проходящим в СССР, возникла потребность в исследованиях, позволяющих объяснить дискурсивные новообразования в советской политической коммуникации. Активно используемая в период перестройки политическая лексика нередко сбивала с толку западного читателя. Так, в СССР *консерваторами* называли коммунистов, в то время как на Западе консерваторы были традиционными противниками коммунизма. В СССР словосочетание *черный рынок* содержало мелиоративные коннотации, потому что черный рынок был единственным эффективно действующим экономическим механизмом, основывающимся на законе спроса и предложения. Специалисты отмечают, что слова *российский* (*Russian*) и *советский* (*Soviet*), традиционно воспринимаемые на Западе как синонимы, уже не являются взаимозаменяемыми и нередко употребляются в СССР для выражения антитезы между приверженцами советского режима и сторонниками демократических перспектив развития страны.

Интерес к дискурсу перестройки сохранился и в последующие десятилетия²⁵. Так, в монографии профессора Калифорнийского университета в Беркли Э. Уолкера²⁶ были рассмотрены семантические трансформации ключевых символов советского политического дискурса в период перестройки: *суверенитет*, *союз*, *федерация*, *конфедерация*, *независимость*. По мнению автора, активное употребление этих понятий привело к неожиданным для идеологов нового мышления результатам, потому что под одну и ту же форму выражения подводились самые различные и даже противоположные смыслы. Например, центральным партийным руководством «независимость» понималась как новое и привлекательное название для автономности, тогда как демократические (а также сепаратистские и националистические силы

в союзных и автономных республиках) понимали независимость как подлинное самоопределение. Подобные «коммуникативные недоразумения» сыграли существенную роль в дезинтеграционных процессах и становлении постсоветских государств.

А. Р. Де Люка проследил, как смена риторики М. С. Горбачева влияла на внутривнутриполитическую ситуацию в СССР и взаимоотношения Советского Союза с остальным миром. Автор последовательно демонстрирует, что новый политический и медийный дискурс, пропаганда политических символов *перестройки, гласности и нового мышления* меняли общественное мнение и привели не к реформированию, а к развалу системы²⁷.

Многие западные исследователи сходятся во мнении, что, изменяя советский политический дискурс, М. С. Горбачев надеялся ослабить тоталитарную дискурсивную практику, но не подозревал (или не до конца осознавал), что изменение краеугольных для политического дискурса концептов приведет к фундаментальному преобразованию самой действительности.

Не меньший интерес среди советологов вызвали проблемы функционирования политического языка начала 90-х гг. XX в., в период последнего кризиса советской государственности²⁸. Исчезновение Советского Союза несколько не уменьшило интерес ученых к советскому политическому дискурсу. Более того, для советологов открылись новые перспективы. Демократические преобразования на постсоветском пространстве позволили объединить усилия отечественных и зарубежных специалистов, что привело к появлению совместных исследований (см. коллективную монографию²⁹). В последнее время все чаще появляются переводы зарубежных исследований советского политического дискурса на русский язык³⁰.

Среди других особенностей современной советологии следует отметить возросший интерес к сопоставительному анализу. В частности, были проведены исследования советского политического дискурса переходного периода в сравнении с политической коммуникацией других стран, в которых протекали схожие политические процессы³¹. Появились исследования, посвященные диахроническому сопоставлению. Так, М. Дьюирст предпринял попытку сопоставить цензурные ограничения в дискурсе советских и российских СМИ 1991 и 2001 гг.³², Дж. Терпин сопоставила содержание советских СМИ при Л. И. Брежневе и М. С. Горбачеве³³, а в монографии Дж. Меррея проанализирован медийный дискурс от эпохи Л. И. Брежнева до президентства Б. Н. Ельцина³⁴.

Отдельного внимания заслуживает многоаспектная исследовательская программа Р. Д. Андерсона, направленная на сопоставление тоталитарного советского и демократического российского дискурсов. Основываясь на идеях, высказанных Г. Лассвеллом, Р. Д. Андерсон предпринял попытку найти практическое обоснование положению о том, что процесс коммуникации служит индикатором, позволяющим определить, разделено ли общество на

управляющих и управляемых или представляет собой единое гражданское общество, в котором избиратели поддерживают тех или иных претендентов на власть. Излагая дискурсивную теорию демократизации³⁵, исследователь пишет о том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. По Р. Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Всякий текст (демократический или авторитарный) обладает информативным и «соотносительным» значением. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа).

Для подтверждения своей теории Р. Д. Андерсон обращается к сопоставительному анализу советско-российских политических метафор³⁶. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов политбюро 1966–1985 гг. — авторитарный период, выступления членов политбюро в год первых общенародных выборов (1989) — переходный период и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991–1993 гг., — демократический период.

Другим направлением исследовательской программы Р. Д. Андерсона стали психолингвистические исследования, в ходе которых анализировалась способность рядовых российских граждан видеть различия между разнохарактерными политическими текстами. К примеру, в одном из исследований изучались реакции россиян на текст политического выступления, относящегося к одному из трех этапов коммунистической эпохи, или текст постсоветского периода, который предъявлялся случайно отобранными жителям Москвы, Воронежа и Пскова. Тексты постсоветского периода принадлежали или «демократам» и центристам, или националистам. В каждом городе респонденты легко определяли принадлежность текста постсоветского периода к одному из двух типов, в то время как с определением текста коммунистического периода возникали трудности³⁷. Эксперимент показал, что одно из различий между демократическим и авторитарным дискурсами состоит в способности граждан дифференцировать языковые особенности политических лидеров.

В круг интересов современных советологов входит не только политический дискурс в СССР, но и средства манипуляции общественным сознанием при формировании образа СССР в политическом дискурсе других

стран. Так, Р. Айви продемонстрировал, что в период «холодной войны» в США регулярно использовался эффект размывания границы между буквальными и метафорическими выражениями. Как пишет исследователь, в американском политическом дискурсе сложилась такая ситуация, при которой «мы перестаем говорить об одной сущности в понятиях другой сущности и начинаем воспринимать различные понятия (например, “дикарь” и “советский человек”) как одно целое... Мы руководствуемся фигуральными выражениями, но действуем так, как будто они буквальные, не понимая, что две различные смысловые сферы сплывились в единое целое»³⁸. Подобное исследование провела Дж. Беккер, но предметом ее анализа стал образ США в советской и российской прессе³⁹. Сопоставление исследований советского дискурса и публикаций по изучению образа СССР в западных государствах показывает, что некоторые явления, традиционно приписываемые тоталитарному дискурсу, были характерны и для формирования образа врага в политической коммуникации демократических стран. Чрезвычайно далеко от реальности навязываемое противопоставление благородных героев, распространяющих правду и воспевающих идеалы свободы, гнусным лжецам, которые заботятся только о собственной выгоде. В условиях острой политической борьбы невозможно было всегда оставаться правдивыми и объективными, и это относится к практикам политической коммуникации, находящимся как по одну, так и по другую сторону идеологических баррикад.

Исследования коммуникативной практики в официальном политическом дискурсе Советского Союза продолжаются до настоящего времени. Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, для которого, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогичными формами коммуникации, пропагандистский триумфализм, резкую дифференциацию «своих» и «чужих», пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем. Сюда же следует отнести кардинальные различия между дискурсом господствующей партии и дискурсом оппозиции, существование наряду с официальным дискурсом (новоязом) еще и «языкового сопротивления», «антитоталитарного дискурса».

Вместе с тем можно заметить, что большинство зарубежных советологов оказались не в силах обнаружить какие-либо достоинства в советском политическом языке. Читая подобные исследования, иногда невозможно понять, почему коммунистическая пропаганда добилась столь впечатляющих успехов во всем мире, чем можно объяснить чрезвычайную прагматическую эффективность советской политической коммуникации. Враждебность

к коммунистической идеологии у некоторых советологов обращивалась неприятием и острой критикой едва ли не всех аспектов соответствующей политической коммуникации и даже собственно языковых инноваций.

Остается надеяться, что в будущем как российские, так и зарубежные исследователи советского политического дискурса смогут объединить усилия и дать объективную характеристику лингвистических причин успехов и поражений советской пропаганды. По-прежнему остается актуальной задача разграничения общих закономерностей политической коммуникации, специфики тоталитарного дискурса и особенностей политической коммуникации в Советском Союзе. Значительные перспективы имеет сопоставление современного политического языка с политическим языком эпохи тоталитаризма. Но это будет уже совершенно новый этап развития политической лингвистики, когда на смену политической советологии придет наука, посвященная российской политической коммуникации в условиях политической свободы и демократии. Именно об этом и говорил Президент Российской Федерации, выступая перед сотрудниками и студентами Колумбийского университета.

---

¹ Путин В. Выступление в Колумбийском университете 26.09.2003 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.kremlin.ru.

² Меньковский В. Англо-американская советология в системе гуманитарных и социальных наук [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://newsletter.iatp.by/ctr3-4.htm>

³ См.: Lippmann W., Merz Ch. A Test of the News // The New Republic. 1920. Vol. 33(2).

⁴ См.: Mason A. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914–1918). P., 1920.

⁵ Language of Power: Studies in Quantitative Semantics / Ed. by H. D. Lasswell, N. Leites. N. Y., 1949.

⁶ Inkeles A. Public Opinion in Soviet Russia. A Study in Mass Persuasion. Cambridge (Mass.), 1950.

⁷ Ibid. P. 319.

⁸ См.: Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советах. Нью-Йорк, 1955.

⁹ Там же. С. 30.

¹⁰ Там же. С. 24.

¹¹ Там же. С. 25.

¹² Там же. С. 25–26.

¹³ См.: Hollander D. Soviet Political Indoctrination: Developments in Mass Media and Propaganda Since Stalin. N. Y., 1972.

¹⁴ См.: Kecskemeti P. The Soviet Approach to International Political Communication // The Public Opinion Quarterly. 1956. Vol. 20, Nr 1.

¹⁵ См.: Seriot P. Analyse du discours politique Soviétique. P., 1985.

¹⁶ См.: Серпуо П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

¹⁷ Там же. С. 379.

¹⁸ Там же. С. 381.

¹⁹ См.: Lendvai P. The Bureaucracy of Truth. How Communist Governments Manage the News. L., 1981; Mickiewicz E. Media and the Russian Public. N. Y., 1981; White S. The Effectiveness of Political Propaganda in the USSR // Soviet Studies. 1980. Vol. 32, Nr 3.

²⁰ См.: *Bruchis M.* The nationality policy of the CPSU and its reflection in Soviet socio-political terminology // *The Soviet Union: Party and Society* / Ed. by P. J. Potichnyj. Cambridge, 1988.

²¹ См.: *Bourmeyster A.* Soviet political discourse, narrative program and the Skaz theory // *The Soviet Union*.

²² См.: *Roxburgh A.* Pravda, Inside the Soviet News Machine. L., 1987.

²³ См.: *Urban M.* The Structure of Signification in the General Secretary's Address: A Semiotic Approach to Soviet Political Discourse // *Coexistence*. 1987. Vol. 24, Nr 3.

²⁴ См.: *Benn D.* Glasnost in the Soviet Media: Liberalization or Public Relations? // *Journal of Communist Studies*. 1987. Vol. 3, Nr 3; *Downing J.* Trouble in the Backyard: Soviet Media Reporting on the Afghanistan Conflict // *Journal of Communication*. 1988. Vol. 2; *Goban-Klas T.* Gorbachev's Glasnost: A Concept in Need of Theory and Research // *European Journal of Communication*. 1989. Vol. 4, Nr 3; *McNair B.* Glasnost, Restructuring and the Soviet Media. Media, Culture and Society. 1989. Vol. 11, Nr 3; *Idem.* Glasnost, perestroika, and the Soviet media. L.; N. Y., 1991; *Urban M.* Political language and political change in the USSR: notes on the Gorbachev leadership // *The Soviet Union*.

²⁵ См.: *DeLuca A. R.* Politics, Diplomacy, and the Media: Gorbachev's Legacy in the West. Westport; London, 1998; *Erol N.* Ideology as political discourse: a case study of print media discourses on Glasnost and Perestroika. East Lansing: Michigan State University, 1993; *Gibbs J.* Gorbachev's Glasnost. The Soviet Media in the First Phase of Perestroika. College Station, 1999; *Mossman E.* Changing Patterns of Russian Political Discourse: A Dictionary of Russian Politics 1985-Present. Wash., 1991.

²⁶ См.: *Walker E. W.* Dissolution: Sovereignty and the Breakup of the Soviet Union. Lanham, 2003.

²⁷ См.: *DeLuca A. R.* Politics, Diplomacy, and the Media: Gorbachev's Legacy in the West.

²⁸ См.: *Belin L.* 2002. The Russian Media in the 1990s // *Journal of Communist Studies and Transition Policies*. Vol. 18, Nr 1; *Downing J.* Issues for media theory in Russia's transition from dictatorship // *Media Development*. 2002. Vol. 1; *Dunn J.* The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type // *Language and Society in Post-Communist Europe: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies*. Warsaw, 1995; Basingstoke, 1999; *Urban M.* The Russian Free Press in the Transition to a Post-Communist Society // *The Journal of Communist Studies*. 1993. Vol. 9, Nr 2.

²⁹ См.: *Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991* / Ed. by P. Chilton, M. V. Ilyin, J. L. Mey. Amsterdam; Philadelphia, 1998.

³⁰ См.: *Андерсон Р. Д.* Каузальная сила политической метафоры // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006; *Лассвелл Г., Якобсон С.* Первомайские лозунги в Советской России (1918–1943) // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21); *Лейтес Н.* Третий Интернационал об изменениях политического курса // Там же; *Серуо П.* Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса.

³¹ См.: *Downing J.* Internationalizing Media Theory. Transition, Power, Culture. Reflections on Media in Russia, Poland and Hungary 1980–95. L., 1996; *Jones A.* The Press in Transition: A Comparative Study of Nicaragua, South Africa, Jordan, and Russia. Hamburg, 2002; *Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991*.

³² См.: *Dewhirst M.* Censorship in Russia, 1991 and 2001 // *Journal of Communist Studies and Transition Policies*. 2002. Vol. 18, Nr 1.

³³ См.: *Turpin J.* Reinventing the Soviet Self. Media and Social Change in the Former Soviet Union. Westport, 1995.

³⁴ См.: *Murray J.* The Russian Press from Brezhnev to Yeltsin. Aldershot, 1994.

³⁵ См.: *Anderson R. D.* The Discursive Origins of Russian Democratic Politics // Postcommunism and the Theory of Democracy. Princeton, 2001.

³⁶ См.: *Anderson R. D.* Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics // *Slavic Review*. 2001b. Summer; *Anderson R. D.* The Causal Power of Metaphor: Cueing Democratic Identities in Russia and Beyond // *Metaphorical World Politics: Rhetorics of Democracy, War and Globalization*. East Lansing, 2005.

³⁷ См.: *Anderson R. D.* Speech and Democracy in Russia: Responses to Political Texts in Three Russian Cities // *British Journal of Political Science*. 1997. Vol. 27.

³⁸ *Ivie R.* Cold War Motives and the Rhetorical Metaphor: A Framework of Criticism // *Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology*. East Lansing, 1997.

³⁹ См.: *Becker J.* Soviet and Russian Press Coverage of the United States: Press, Politics and Identity in Transition. L., 1999.

Статья поступила в редакцию 02.09.2007 г.

Н. А. Комлева

ПОСТВЕСТФАЛЬСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В основе функционирования системы международных отношений лежат законы различной природы: как объективные, т. е. в значительной мере не зависящие от сознательной деятельности людей, так и субъективные, т. е. создаваемые людьми. Второй тип законов базируется на первом типе и отражает его характеристики.

Непреложным объективным законом формирования системы международных отношений, или, говоря языком геополитики, мирового порядка, является навязывание системы субъективных законов (принципов) со стороны доминирующих центров силы. Смена доминирующих центров силы, их объективные характеристики и субъективно преследуемые геополитические цели и определяют собственно характер мирового порядка в определенный период времени.

Рубеж XX–XXI вв. является временем формирования новой исторической эпохи и новой системы международных отношений (мирового порядка) — Поствестфальской. Предыдущая эпоха, называемая Вестфальской, сформировалась в середине XVII в. (1648), и ее принципы определялись

КОМЛЕВА Наталья Александровна — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории политической науки Уральского государственного университета им. А. М. Горького (E-mail: komleva1@yandex.ru).

© Комлева Н. А., 2007